

«я спокоен», а также глубина значений отрицательных предложений, начинающихся словами «никто» и «ничьим», — все это с достаточной прозрачностью рисует состояние поэта, тоскующего по возлюбленной и обуреваемого сомнениями в ее верности. Возможно, в этом «но если» скрыта угроза или мучительное подозрение. Это, очевидно, остается еще неясным и для самого поэта, но текст стихотворения из-за этого не может считаться незавершенным.

Еще пример. В рассказе О'Генри, озаглавленном «Дуэль», изображены два героя, которые приехали в Нью-Йорк с намерением «победить» этот город. Один из них — художник, другой — бизнесмен. Через четыре года они встретились. Бизнесмен преуспел в своих делах, художник — не признан и бедствует, но тем не менее не в состоянии сбросить с себя чары большого, шумного, ослепительного, манящего города. Вопрос, кто из них победил Нью-Йорк, поставленный в тексте рассказа, писатель оставляет без ответа, предоставляя читателю самому этот ответ найти. Спрашивается, можно ли сказать, что этот рассказ-текст не завершен? Как указывалось выше, завершение здесь в преднамеренной незавершенности. Нет ничего парадоксального в таком утверждении. В текстах разного типа, и в особенности в художественных, а иногда и в научных, сама постановка новой проблемы тоже есть своего рода завершение. Это особенно очевидно, когда само название представляет собой вопрос, как, например: «Что делать?» или «Кто виноват?» и т. д.

Чтобы уточнить понятие завершенности, как мне представляется, нужно ограничить его какими-то признаками, общими для всех текстов. Для этого необходимо построить некую идеальную модель текста, допускающую вариативность, которая реализуется в различных функциональных стилях языка.

Одним из таких признаков я считаю сопряженность понятий завершенности и названия (заголовок, заглавия). Подавляющее большинство текстов разных видов, жанров, типов имеет название, которое то в ясной, конкретной форме, то в завуалированной, имплицитной выражает основной замысел, идею, концепт создателя текста. Исключение составляют тексты личных писем, мемуаров и некоторые другие. Но в них имплицитно присутствует одно общее название, которое условно можно выразить словами: «Вот что произошло за истекший период времени (со мной, с нами, с обществом)».

Можно без преувеличения сказать, что название присутствует в сознании каждого, берущегося за перо. Нельзя создать текст, не зная для чего он создан. Можно утверждать, что название — это компрессированное, нераскрытое содержание текста. Название можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания.

Некоторые ученые, приверженцы порождающей семантики, как, например, Дресслер, считают, что глубинная структура текста выявляется в отношении, существующем между названием и основным корпусом текста¹².

Эти отношения весьма разнообразны. В некоторых произведениях название представляет собой лишь название проблемы, решение которой дается в тексте. В других — название — как бы тезис самого корпуса текста. Порой оно настолько глубоко закодировано, что его декодирование возможно только при прочтении всего произведения. Мне уже пришлось в другом месте упомянуть одно из таких названий — *The Painted Veil* (Раскрашенная завеса) — роман С. Моэма. Это название — цитата из сонета П. Б. Шелли. Только раскрыв содержание первых строк этого сонета и поняв, в чем заключается содержательно-концептуальная информация самого романа, можно осознать завершенность всего текста произведения.

¹² См. *Hendricks W. O. Essays on semiolinguistics and verbal art. Hague, 1973, p. 58.*